

Поэт Михаил Турбин издал свою первую книгу, будучи уже в зрелом возрасте. За плечами была многому научившая жизненная школа, опыт, которому можно доверять, оставшиеся позади детство и юность. А рядом текла обычная, обыденная жизнь со своими заботами. Чему-то особенному надо было случиться в жизни Михаила Турбина, чтобы доселе дремавший в нем поэтический дар вырвался наружу и поэт заговорил.

С приходом своим в литературу Михаилу Турбину пришлось столкнуться с большими трудностями.

Хорошо тем поэтам, с которыми с молодых лет работали большие мастера слова, заставлявшие их учиться писать на великих примерах и постоянно исправлявшие стихотворные ошибки в их младенческих опусах. Хорошо тем, кто в молодости успел «понюхать порох» большой литературы и закалиться, как сталь, в ее горниле. Из таких ковали особую породу людей, способных взвалить на свои плечи и понести сквозь время неподъемный груз отечественной литературы. Много было званных, но мало, увы, осталось избранных. Но речь сейчас не о том, а о Михаиле Турбине, поэте, обладающем редким и самобытным талантом, которому судьба отказала в возможности вовремя пройти суровую поэтическую школу, не дала учителя и поводыря, с тем чтобы он сам вслепую пробирался сквозь дебри косноязычия к своим поэтическим вершинам. Турбин как некое редкое и упрямое растение рос из земли, пробивая пласты твердых пород, с тем чтобы, выбравшись наружу, сказать: «Вот я есть!» И все согласились с этим, так как не заметить появление этого поэта было нельзя.

Первой обратила внимание на творчество Михаила Турбина поэт и критик Лариса Баранова-Гонченко. Сегодня я держу в руках очередную, третью книгу члена СП России, моего коллеги, о которой надеюсь сказать объективное и верное слово.

Стихи Михаила Турбина очень предметны. Его поэтический взор пристален и внимателен. В его книге не встретишь глубокомысленных, абстрактных рассуждений – мысль свою он доносит, демонстрируя ее конкретным примером:

*Надушилась – смущать мужиков...
Есть теперь для раздумия пища.
Первобытный почудился зов
Одинокой души у кострища.*

Впервые пробежав глазами книгу «По знакомой дороге», я сразу отметила и почти полностью запомнила одно стихотворение, поразившее меня тонким сарказмом, с помощью которого поэт смог обозначить свои эстетические взгляды. Оно называется «Среди многоэтажек», и мне хочется привести его здесь полностью:

*Теряет силу эхо в вышине –
Мужик с ковром закончил поединок.
Глазами бриллиантовых снежинок
Снег шурится в морозной тишине.*

*Есть в нем застенчивость девичья,
Недоумение и, может быть, укор.
Образовалась, где лежал ковер,
Картина знаменитая Малевича.*

*Не оценить ее умом дремучим –
Шедевр! Унижен глупый пылесос...
Поджавши хвост, дворový пёс
Обходит мужика на всякий случай.*

В стихотворении есть шероховатости, но я не хочу их видеть, так как оно очаровательно и вкупе с шероховатостями является предметом поэзии, тогда как часто гладкопись «выдрессированного», наученного поэта не имеет к ней никакого отношения.

Правда, Михаил Турбин порой сильно перебарщивает, поступает своевольно – нарушает размер, ритмику, отчего стихи его сильно проигрывают. От этих досадных «школярских» неточностей книга теряет целостность. Желательно все-таки придерживаться правил стихосложения даже очень талантливому и своеобразному поэту. Вот ведь в иконописи существует теория канона, о которой так великолепно написал Павел Флоренский. Так и в поэзии правила стихосложения являются как бы рамками канона. Икона, написанная вне рамок канона, не считается иконой, как бы гениально ни была написана, и церковь ее не принимает. Так и стихи, нарушающие общепринятые правила стихосложения, выпадают из Пантеона русской поэзии – не важно, по каким причинам нарушаются эти правила, намеренно или невольно.

Я хочу сказать о том, что лучшие стихи Михаила Турбина уже сейчас, при жизни поэта, имеют право на место в русской поэзии. Наряду со стихами, где есть шероховатости и отклонения, в книге встречаются такие места, от которых волосы дыбом встают. Такие глубины могли бы осилить разве что Пушкин или Тютчев!

*Сил воротиться нет,
И забыться уже я не чаю.
Будто крест надо мной,
Даже тяжесть торца ощущаю.*

(«Бессонница»)

У Михаила Турбина, конечно же, есть свое поэтическое лицо.

Порой оно обаятельно и простодушно, как в стихотворении «Свинухи»:

*Я «стадо» свинухов на солнцепёке
Заметил и под нож пустил.*

Или:

*Чушка добродушная ливенской породы
Хрюкнула приветливо – и пошел я дальше.*

(«По слободке мимоходом»)

Иногда по-граждански скорбно и гневно:

*«И это Россия? – тебе говорят. –
Ты что, развернуться не в силе?»
Молчание. Зреет в молчанье набат,
С кем дело имеют, забыли.*

Или как в этом стихотворении:

*Нахлебников налево и направо
Не раскидать – народ наш не готов.
Еще моя великая держава
Не запрягла в повозку рысаков.*

Михаил Турбин любит, знает и чувствует русскую природу. Его лирический герой существует в природе. Часто первая строка стихотворения – уже полностью написанный пейзаж. «На буграх стынет юная травка», «Рвань багрового рассвета», «На темном небе одна полоска» и т. д.

Мы часто говорим о пейзажности русского поэтического мышления. Мало кто может обойтись в стихах без пейзажа. Но у одних пейзаж – грубо намалеванная декорация для обрамления своего портрета, а у других – живая, теплая, трепетная картина, где точно и предметно воспроизведен с любовью воспринимаемый автором вид. Михаил Турбин – чуткий пейзажист.

Интересны стихи Михаила Турбина о послевоенном детстве. Ведь настоящая поэтическая реальность – это не первая попавшаяся под руку жизненная деталь, это выхваченная из жизни частность, в которой проглядывает всеобщность. В поэтических реалиях Михаила Турбина чувствуется время – конкретное историческое время, они приобщают читателя к истории страны, к истории народа.

В чем смысл известного изречения Боратынского «лица необщим выраженьем»? Только ли в поиске своей индивидуальной манеры? Нет, это поиски той грани, на которой поэт самоопределяется в отношении к истории и своему времени. Мне кажется, что эта главная творческая задача успешно решается поэтом Михаилом Турбиным, об этом говорит нам его третья книга «По знакомой дороге», о которой в основном здесь и шла речь.

Вот, кажется, и все, что я могла сказать о творчестве и новых книгах моих коллег – поэтов Вадима Еремина, Андрея Фролова и Михаила Турбина.